

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1. МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ</i>	5
<i>Глава 2. НАРУШЕНИЕ ГРАФИКА</i>	28
<i>Глава 3. ВОЙНА ВОЙНОЙ,</i> <i>А БИЗНЕС ПО РАСПИСАНИЮ</i>	54
<i>Глава 4. СРЫВ ДЕБЮТА</i>	80
<i>Глава 5. ПАКОСТИ ПО ГРАФИКУ</i>	105
<i>Глава 6. ПАКОСТИ НЕ ПО ГРАФИКУ</i>	125
<i>Глава 7. НОВЫЙ РАСКЛАД</i>	152
<i>Глава 8. С РОЖДЕСТВОМ!</i>	175
<i>Глава 9. ВРАГИ ЯВНЫЕ И ТАЙНЫЕ</i>	199
<i>Глава 10. ДЕЛО ЧЕСТИ ПО-АНГЛИЙСКИ</i>	223
<i>Глава 11. ГЕМБЕЛЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ</i> <i>ДЕЛА ЧЕСТИ</i>	247
<i>Глава 12. РАЗМИНКА ПЕРЕД ФИНАЛЬНОЙ</i> <i>ИГРОЙ</i>	277
<i>Глава 13. АЛАНДСКИЙ «КАПКАН»</i>	293
<i>Глава 14. БАЛТИЙСКИЙ СИНОП</i>	314
<i>Глава 15. ГОСТЬ ИЗ ПЕТЕРБУРГА</i>	349
<i>Глава 16. ЧЕРНОМОРСКИЙ РУБИКОН</i>	363

Там, где раз поднят русский флаг,
он уже спускаться не должен.

Император Николай I

Глава 1

МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ

Ясная звездная ночь, легкий бриз и светящаяся лунная дорожка на водной глади. Дневная жара уже спала, и воздух удивительно свеж. Вдали виднеется темная полоска берега, на котором кое-где заметны огоньки. Картина просто идиллическая, завораживающая. При взгляде на звездное небо и лунную дорожку, упирающуюся в горизонт, приходят мысли о вечном. Был бы я поэтом, точно сочинил бы что-нибудь этакое, одухотворенное и возвышенное... Но увы! Таланты отставного контр-адмирала Космофлота Сергея Тихонова, а ныне дворянина, кавалера ордена Святого Станислава и просто богатого буржуя Юрия Давыдова, лежат совсем в другой плоскости...

Внимательно вглядываюсь в бинокль и слежу за ситуацией на берегу. Вахтенные на мостике тоже пытаются это делать, да только ни хрена толком в темноте не видят. В отличие от меня. Легенда о «божьем даре» — способности видеть ночью, прошла на ура, никто ничего до сих пор не заподозрил. Ну а то, что я могу хорошо видеть не только ночью, но и в сильном тумане, мои люди еще не знают. И хорошо, что не знают. Насколько мне удалось выяснить, хорошее

ночное зрение хоть и редко, но встречается у здешних аборигенов. Поэтому молодой буржуй Юрий Давыдов, в данный момент по легенде прохлаждающийся на своей «яхте» вблизи устья реки Псоу на кавказском побережье, не выходит за рамки статистической погрешности с точки зрения Службы глубокой разведки Космофлота Российской империи, чей автоматический разведывательный корабль-зонд сейчас висит на орбите и приглядывает за развитием этого мира, так похожего на мой прежний. Который мне пришлось спешно покинуть из-за того, что слишком много знал. Покинуть с помощью моего старого друга и компаньона — искина Ганса, находящегося в доставшемся мне по случаю секретном электронном устройстве — автономном десантном модуле, или сокращенно АДМ. И вот сейчас АДМ, управляемый Гансом, барражировал на небольшой высоте над побережьем, транслируя окружающую обстановку в мою черепушку, заодно поддерживая ментальную связь.

— Командир, здесь откровенный беспредел творится. Знал, что в настоящее время у турок процветает работорговля. Но чтобы до такой степени!

— Какая численность противника и «живого товара»?

— Противника двадцать восемь человек, у берега стоит крупная фелюга. Но это все вместе. И «продавцы», и «покупатели». А вот «живого товара» на берегу пятьдесят шесть человек. В основном подростки четырнадцати-пятнадцати лет обоюбого пола. Взрослых мужчин трое, все славянской внешности. Остальные местные. Погрузку еще не начали. Идет торг.

— Молодец, Ганс! Смотри дальше. Когда закончится погрузка, посчитай, сколько «продавцов» останется. Заодно сохрани их рожки в базе данных.

— Разве «продавцов» зачищать не будем?

— Нет. Нам нельзя оставлять следы на берегу. Так что пусть уходят. А вот «покупателями» займемся.

— Принято!

Вот так вот и творятся разные темные дела под покровом темной ночи. Днем турецкие работорговцы не рискуют подходить к кавказскому берегу, поскольку российский Черноморский флот до недавнего времени отлавливал их со всем старанием. А с пойманными не церемонился. Зато ночью есть неплохой шанс суметь провернуть выгодный гешефт и успеть скрыться до рассвета. «Просвещенный» XIX век во всей красе, будь он неладен. Если в Европе есть хоть какие-то намеки на цивилизованное общество, то Османская империя до сих пор прочно застряла в средневековье. И работорговля здесь — весьма прибыльный и уважаемый бизнес. Причем «товаропоток» идет в одну сторону — с Кавказа в Турцию. Что Российской империи очень не нравится, и она пытается бороться с этим всеми силами. В последнее время, говорят, стало поспокойнее. Многих работорговцев переловили и повесили. Но прибыльность данного бизнеса такова, что желающие рискнуть все равно находятся. Хотя знают, что в случае захвата российским военным кораблем шансы на спасение практически нулевые. Вот и я решил внести свою лепту в благородное дело борьбы с работорговлей. Для того, чтобы и команду потренировать, и регион получше узнать, да еще, может быть, и ценные кадры среди освобожденного «товара» найдутся. Мне преданные и толковые люди нужны. Это не считая того, что надо работать над созданием своего положительного имиджа в глазах российского обывателя. А то в последнее время у меня репутация возмутителя спокойствия, который может создать проблемы на ровном месте. Один прорыв через Босфор чего стоит. Есть еще кое-какие задумки, основанные на

знании истории. И если они сработают, то это позволит не только оказать посильную помощь русской армии и флоту, но и наладить хорошие отношения с армейскими и флотскими офицерами. Что немаловажно в моей ситуации, поскольку я — некомбатант. Поэтому, с точки зрения господ офицеров, могу только путаться под ногами и мешать им воевать, «как положено». Вот и собьем с них маленько спесь. Но это дела несколько отдаленного будущего. А сегодняшняя ситуация для простого обывателя непонятна. Для всех, кроме меня.

На дворе конец августа 1853 года. Текущие события пока что мало отличаются от истории моего прежнего мира. Князь Меншиков покинул Константинополь, так ничего и не добившись. Причем, как говорят злые языки (и я им склонен верить), подобный исход был предreshен заранее. Князь вел себя очень нагло и собственными стараниями загонял переговоры в тупик, хотя поначалу султан Абдул-Меджид был готов пойти на компромисс. Была ли это обычная дурость князя, или злой умысел, имеющий конечную цель спровоцировать конфликт между Россией и Турцией, выгодный Англии, так и осталось неясным. Даже в моем мире историки так и не пришли к единому мнению. То, что Меншиков был ярым англофилом и состоял в «английской партии» при российском дворе, знали все. Но как говорится, не пойман — не вор. Да и англичане с французами постарались, обещая султану свою поддержку в случае войны с Россией. В итоге дипломатические отношения были разорваны, и Россия ввела свои войска в придунайские княжества Молдавию и Валахию, входившие в состав Османской империи. Как сказал Николай Павлович, «в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России». Что та, естественно,

делать не собиралась. «Просвещенная» Европа в лице Англии, Франции, Австрии и Пруссии очень возбудилась от сложившейся ситуации, посоветовалась в Вене и быстренько выкатила Венскую ноту России с требованием покинуть Молдавию и Валахию. Правда, Венская нота предполагала компромисс, предусматривая в обмен на выход русских войск из придунайских княжеств разрешить России номинально защищать православных в Османской империи и осуществлять номинальный контроль над святыми местами в Палестине. Казалось бы, появилась возможность уладить возникший конфликт без «потери лица». Но тут и начались танцы с бубнами. Император Николай ноту принял. А вот султан Абдул-Меджид, науськиваемый английским послом Стратфордом-Редклифом, ее отклонил и начал настаивать на различных изменениях в тексте ноты. Изменения были незначительные и нисколько не меняли смысл ноты, но этого хватило, чтобы Николай Павлович взбрыкнул, отказавшись обсуждать данный вопрос. Английский посол очень искусно сыграл на мелочности Николая и его стремлении быть «главным государем» в Европе, не допускающим, чтобы турки вносили изменения в уже принятую им ноту. В итоге ситуация «на земле» нисколько не изменилась и конфликт не был исчерпан. Казалось бы, война началась. Ан нет! Император Николай Павлович не торопился официально объявлять войну, поскольку и он, и его ближайшее окружение были уверены, что русская армия легко разобьет турок, быстро обратив их в бегство. Сильного международного резонанса в Европе из-за этого все равно не будет, поэтому и заморачиваться с формальностями не стоит. Султан тоже не спешил объявлять войну, поскольку турецкая армия в основной массе была еще не готова к боевым действиям, и делал вид, что имеет место досадное недоразумение, когда высокие догово-

ривающиеся стороны неправильно поняли друг друга. Хотя на самом деле, опьяненный обещаниями Англии и Франции, спешно готовился к войне. Российский император делал то же самое. Но и Россия, и Турция пока что воздерживались от начала военных действий, пристально наблюдая друг за другом. Мир замер в неустойчивом равновесии.

Вот в такой обстановке, когда «ни мира, ни войны», я и решил выйти на «охоту». Поскольку знал, что турецкие работорговцы никуда не делись. И при определенной доле везения можно поймать кого-то с полличным, что не останется незамеченным как в Одессе, так и в Санкт-Петербурге, создав мне и моим людям нужный имидж. Обвинений в пиратстве можно не опасаться, поскольку борьба с работорговлей на Кавказе признана делом богоугодным в российском обществе. И если только какой чинуша что-то вякнет, то его свои же сожрут.

К августу все ремонтные работы были закончены. «Лебедь» приобрел внешний вид, более подобающий пароходу, лишившись развитого рангоута, что резко контрастировало с прочими пароходами этого времени, на которых паруса оставались неизменным атрибутом. Бушприт и грот-мачта исчезли вообще, а массивные фок-мачта и бизань-мачта с парусным вооружением были заменены двумя небольшими легкими мачтами, пригодными только для подъема флагов. Разумеется, это не укрылось от широкой публики, и сразу же вызвало пересуды как среди моряков (в том числе и морских офицеров, оказавшихся в Одессе), так и не причастных к морю обывателей. В результате пришли к выводу, что господин Давыдов «дурью мается». Ну и ладно, я не в претензии. Свои верные и толковые люди у меня есть, а на сплетни всех про-

чих дворянину и кавалеру ордена Святого Станислава Юрию Давыдову наплевать.

От размышлений о прекрасном меня отвлекает Ганс.

— Командир, началась погрузка. Стороны пришли к соглашению.

— Понятно. Изменения в количестве «товара» не произошло? Никого не отбраковали?

— Нет. Судя по всему, заберут всех.

— Сообща, как начнут ставить паруса. После выхода противника в море держись прямо над целью. Высота не менее трехсот метров. Режим мимикрии не отключай. Я буду использовать картечь.

— Принято.

Операция близится к переходу в горячую фазу. То, что турки сдадутся, вероятность мизерная. Поэтому придется стрелять. Четыре казнозарядных нарезных орудия калибром в шесть дюймов на поворотных станках уже установлены на палубе «Лебедя». Конечно, они далеки от совершенства, но по сравнению с сегодняшними гладкоствольными дульнозарядными «дурами» на корабельных лафетах тележечного типа — верх инженерной мысли. Поначалу у портowych чиновников глаза на лоб лезли, и они пытались что-то вякать. Но им на более высоком уровне объяснили, что данные орудия — по своей сути не совсем орудия. Это экспериментальные образцы, созданные на заводе господина Давыдова, которые отказались принять на вооружение Морское и Военное ведомства. Поэтому они остаются собственностью завода господина Давыдова. Как и его коммерческий пароход «Лебедь», который с момента выгрузки груза переходит в разряд частной яхты, поскольку использовать его в коммерческих целях для получения фрахта го-

сподин Давыдов не собирается. И запретить ему держать на борту своей яхты пушки, находящиеся в его собственности, никто не может. Поскольку военные от них отказались. Конечно, аргументы притянуты за уши, но господин Троекуров, посланный мне в помощь Бенкендорфом, свое дело хорошо знал. И очевидно, имел немалый вес в глазах одесских чиновников. Во всяком случае, никаких препон мне больше чинить не пытались, и даже не пытались содрать «положенную» мзду.

В результате «Лебедь» вышел в свой первый боевой поход в Черном море в статусе частной яхты не только в сильно обновленном виде, но и с артиллерией на борту. Помимо пушек были установлены еще и пулеметы Давыдова (увы, мистер Гатлинг, вы не успели!), но их предполагалось использовать в крайнем случае. Уж очень они были прозорливы в плане расхода боеприпасов, которые в Одессе взять негде. Все высокотехнологичное и не принятое на вооружение приходилось везти на лошадках из Петербурга. Но помощь пришла, откуда не ждали. С помощью дяди Савелия в портовых мастерских удалось наладить выпуск картечных выстрелов. О чем я, каюсь, раньше не подумал. Собирался обойтись одними фугасными снарядами, поскольку в качестве целей для своих орудий первоначально рассматривал только крупные корабли. Да и то артиллерия на «Лебеде» планировалась как средство самообороны в критической ситуации. Главная роль в деле уничтожения супостатов отводилась паровым катерам с полупогружными торпедами. Но по приходе в Одессу, ознакомившись более детально с окружающей обстановкой, призадумался. Стрелять дефицитными шестидюймовыми фугасами, пусть и начиненными черным порохом, по многочисленным турецким фелюгам... Овчинка выделки не стоит. И что же делать? Позволить этой мелочи

шастать у меня под носом, поскольку на такую ораву никаких запасов снарядов не хватит?

Подсказку дал Ганс, проанализировав бывшие в истории образцы как артиллерийских систем, так и стрелкового оружия. Причем как боевого, так и охотничьего. Ничего сложного в предложенной им схеме не было. Поскольку орудия имели раздельное заряжание, требовалось лишь заменить дефицитные фугасные снаряды чем-то простым и дешевым, что можно без особого напряжения выпускать в больших количествах на местной «производственной базе». Так появился картечный выстрел. Жестяной стакан с диаметром по нарезам ствола с прочным деревянным поддоном, в который укладывалась картечь и запечатывалась с открытого конца. После выстрела стакан разрывался в полете, а картечь шла дальше широким снопом. Конечно, это не шрапнель, которой можно стрелять на несколько километров. Но мне далеко и не надо. Для обстрела палуб и рангоута разной турецкой парусной мелочи с малой дистанции вполне сойдет. Стрельба по мишеням в море после выхода из Одессы прошла успешно. А сейчас опробуем новинку в боевых условиях. Если «одесский горошек» окажется эффективным, то можно будет не только фугасные снаряды для пушек, но и патроны для пулеметов сэкономить.

Так, кажется, началось. Фелюга возле берега начинает разворачиваться. Одновременно приходит доклад Ганса. «Товар» погружен весь. «Продавцы» быстро собрали манатки и исчезли, а «покупатели» в количестве двенадцати персон собрались идти до дому, до хаты. Фелюга ставит паруса и довольно резво устремляется в море. Мало того что нужно до рассвета уйти как можно дальше, но и «товар» в трюме «скопорпортыющийся». Поэтому турки торопятся, выжимая